

Олеся Олюшина

ЗАПРЕТНОЕ *Третьяжение*

Когда мы стали семьёй

*Иногда чужой дом становится
началом твоей настоящей жизни.*

Олеся Олюшина

**ЗАПРЕТНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ.
Когда мы стали семьёй**

«Автор»

2026

Олюшина О.

ЗАПРЕТНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ. Когда мы стали семьёй /
О. Олюшина — «Автор», 2026

Он скрывает синяки под одеждой, исчезает по ночам и расплачивается за чужой долг. Она — единственная, кто начинает замечать, как сильно он устал. Агата думала, что переезд в новый город станет началом спокойной жизни. Но в доме, где каждый хранит свои тайны, её внимание всё чаще привлекает Тимур — замкнутый парень, который не умеет просить о помощи и не позволяет никому приблизиться. Чем ближе Агата подбирается к правде, тем опаснее становится её любопытство. Ведь за подпольными боями скрывается нечто большее, а цена молчания может оказаться слишком высокой. Сможет ли она помочь тому, кто давно решил, что должен справляться один? И что случится, когда правда наконец выйдет наружу?

© Олюшина О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	7
Глава 1	14
Глава 2.	24
Глава 3.	32
Глава 4.	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Олеся Олюшина

ЗАПРЕТНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ.

Когда мы стали семьей

Олеся Олюшина

ЗАПРЕТНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ Когда мы стали семьей

«Иногда чужой дом становится началом твоей настоящей жизни»

Она приехала в чужой дом, чтобы начать всё заново. Он сделал всё, чтобы она держалась от него подальше.

Агата привыкла не доверять людям и не задавать лишних вопросов. Но Тимур слишком заметен, чтобы остаться для неё просто сыном мужчины, за которого вышла её мать. Ночные исчезновения, следы драк, напряжённое молчание и взгляд, в котором больше боли, чем злости, заставляют её искать ответы.

Тимур живёт по собственным правилам. Он не объясняет, где бывает ночами, не принимает жалости и не позволяет никому приближаться к тому, что скрывает. Потому что его тайна связана не только с подпольными боями.

Она связана с долгом.

Чужим прошлым. Чужими ошибками. И ценой, которую кто-то должен заплатить.

Агата не должна была вмешиваться. Тимур не должен был к ней привязываться. Но между ними постепенно возникает доверие, которое опаснее любого признания.

Пока однажды правда не заставляет их всех посмотреть друг другу в глаза.

Потому что иногда самые страшные тайны хранятся не за закрытыми дверями, а внутри семьи.

Все права защищены.

Никакая часть данного произведения не может быть воспроизведена, распространена, передана в любой форме или любыми средствами без предварительного письменного разрешения правообладателя, за исключением случаев, предусмотренных законодательством.

2026

Оглавление

Пролог

Дорога, которая вела не домой

ЧАСТЬ I. ЧУЖОЙ ДОМ

Глава 1

Там, где нас не ждали

Глава 2.

За семейным столом

Глава 3.

Звуки за стеной

Глава 4.

Семья по умолчанию

Глава 5.

После полуночи

Глава 6.

Город, в котором все что-то знают

Глава 7.

Туда, где не задают вопросов

Глава 8.

Дом, который учился дышать

Глава 9.

Боль — это нормально

Глава 10.

Фотография с выцветшими краями

ЧАСТЬ II. ТЕНЬ ДОЛГА

Глава 11.

Цена чужого долга

Глава 12.

Вода, которая стала розовой

Глава 13.

Разговор за закрытой дверью

Глава 14.

То, о чём нельзя говорить

Глава 15.

Ты здесь всего три месяца

Глава 16.

Молчание тоже бывает выбором

Глава 17.

Ночь, когда его не было

Глава 18.

Человек по имени Сева

Глава 19.

Когда она увидела его настоящим

Глава 20.

Дом после боя

Эпилог

Правда, которой не должно было быть

До встречи во второй книге...

Пролог

Дорога, которая вела не домой

Дождь начался ещё до того, как они выехали из города, и с тех пор так и не прекратился.

Он не лил стеной и не стучал по крыше с яростью — просто медленно, настойчиво заполнял собой всё вокруг. Вода стекала по стеклу тонкими извилистыми дорожками, растекалась под колёсами по мокрому асфальту, превращала редкие фонари в размытые золотистые пятна.

Агата сидела у окна, прижавшись виском к холодному стеклу, и смотрела, как за машиной исчезает её прежняя жизнь.

Хотя, если быть честной, прежняя жизнь закончилась не сегодня.

Она закончилась раньше.

В тот день, когда мать впервые сказала, что им придётся переехать.

В тот вечер, когда Агата поняла, что квартира, в которой она выросла, больше не принадлежит им — ни юридически, ни по-настоящему. В тот момент, когда вещи начали исчезать из шкафов, книги складывались в коробки, а знакомые стены вдруг стали выглядеть как декорации к чужой истории.

Теперь за окном проплывали последние окраины города: автомастерские, закрытые магазины, невысокие дома с тёмными окнами, остановки, над которыми дрожали вывески. Потом здания стали встречаться всё реже. Фонари вытянулись в редкую цепочку, а между ними возникали длинные провалы темноты.

Агата провела пальцем по запотевшему стеклу, оставив прозрачную полоску.

— Ты совсем замёрзла? — спросила Елена.

— Нет.

— Может, сделать теплее?

— Мам, я не замёрзла.

Елена кивнула, но руку с регулятора печки всё равно убрала не сразу. Она сидела за рулём напряжённо, чуть подавшись вперёд, будто дорога требовала от неё не просто внимания, а полной сосредоточенности. Время от времени она бросала взгляд на навигатор, хотя тот давно показывал один и тот же маршрут.

До небольшого города оставалось чуть больше сорока минут.

Сорок минут до новой жизни.

Агата не понимала, почему взрослые всегда называли перемены именно так — новой жизнью. Будто достаточно переехать в другой дом, сменить адрес и поставить чемоданы в чужой коридор, чтобы всё прежнее осталось позади.

Но прошлое не оставалось позади.

Оно ехало вместе с ними.

Оно лежало в багажнике среди одежды, книг и кухонных полотенец. Оно пряталось в мамином молчании. Оно сидело рядом с Агатой, отражаясь в тёмном стекле.

— Виктор уже несколько раз звонил, — осторожно сказала Елена. — Спрашивал, где мы.

— Мы же предупредили, что задержимся.

— Я знаю. Просто он переживает, чтобы мы нормально доехали.

Агата едва заметно усмехнулась.

— Мы не на другой конец света едем.

— Для тебя, возможно, нет.

— Мам, это небольшой город в двух часах езды. Не экспедиция на Северный полюс.

— Я не это имела в виду.

Елена замолчала.

Именно это Агата и не любила больше всего: когда мать начинала говорить осторожно, с паузами, словно каждое слово могло разрушить хрупкое равновесие. За последние месяцы таких разговоров стало слишком много. Елена подбирала выражения, смягчала формулировки, заменяла прямые слова чем-то вроде «обстоятельства», «ситуация», «необходимость», «всё изменится к лучшему».

Но Агата давно научилась слышать то, что оставалось между словами.

— Ты ведь понимаешь, что Виктор хороший человек? — спросила Елена.

Агата медленно повернула голову.

— Ты уже говорила.

— Я просто хочу, чтобы ты не настраивалась заранее.

— Я не настраиваюсь.

— Агата.

— Что?

— Ты с самого начала относишься ко всему так, будто тебя везут не в дом, а в место, где тебя собираются запереть.

— А разве это не дом, в котором я никогда не была, к человеку, которого почти не знаю?

— Мы с Виктором знакомы не первый месяц.

— Ты с ним знакома. Я видела его несколько раз.

— Он очень порядочный.

— Хорошо.

— Он спокойный, надёжный, у него стабильная работа, большой дом...

— И это должно меня убедить?

Елена тяжело вздохнула.

— Я пытаюсь объяснить, что нам повезло.

Агата снова отвернулась к окну.

Повезло.

Это слово звучало особенно странно в последнее время.

Им повезло, что Виктор предложил переехать. Повезло, что у него был дом. Повезло, что он не задавал лишних вопросов. Повезло, что он оказался готов принять их обеих.

Словно речь шла не о человеке, а о свободном месте в спасательной шлюпке.

Агата не хотела быть спасённой.

Она хотела, чтобы её жизнь просто не разрушали.

— У него есть сын, — продолжила Елена, словно заранее готовила её к следующей части разговора. — Тимур. Он почти твоего возраста.

— Ты говорила.

— Ему двадцать один.

— Мне тоже двадцать один.

— Вы оба учитесь на втором курсе, насколько я поняла.

— Прекрасно. Значит, нам будет о чём поговорить. Например, о расписании и преподавателях.

— Не язви.

— Я не язвлю.

Елена посмотрела на неё, но в её взгляде не было раздражения. Только усталость и какая-то тихая надежда, от которой Агате становилось ещё тяжелее.

— Я просто хочу, чтобы ты попробовала, — сказала мать. — Не требую, чтобы ты сразу полюбила этот дом. Не прошу считать Виктора родным. Не заставляю тебя изображать счастливую семью. Просто... попробуй.

Агата опустила глаза.

На коленях у неё лежала папка с учебными материалами. Края листов загнулись от постоянного перекалывания. Она уже несколько раз пыталась открыть её, но не смогла сосредоточиться. В голове всё равно крутились одни и те же мысли.

Новый дом.

Новый человек.

Новый порядок.

Чужая кухня, чужая ванная, чужие голоса за стеной. Чужой сын, который наверняка не обрадуется появлению незнакомой девушки в доме. Чужие привычки, о которых она ничего не знала.

И мать, которая почему-то верила, что всё это можно назвать семьей.

— А если я не смогу? — спросила Агата тихо.

Елена не ответила сразу.

Дворники прошлись по стеклу, стирая дождевые дорожки, но через несколько секунд они появились снова.

— Тогда мы будем разбираться, — наконец сказала она. — Никто не требует от тебя невозможного.

— Но ты уже решила, что это наш дом.

— Я решила, что это место, где мы сможем спокойно жить.

— А если я не захочу там оставаться?

— Ты имеешь право не захотеть.

— Правда?

— Правда.

— И ты не скажешь, что я неблагодарная?

Елена сильнее сжала руль.

— Я никогда не считала тебя неблагодарной.

Агата посмотрела на её профиль. Мать выглядела старше, чем ещё полгода назад. В волосах, собранных на затылке, появилось больше светлых прядей. Под глазами залегли тени. Даже её привычная аккуратность теперь казалась не проявлением ухоженности, а попыткой удержать хотя бы что-то под контролем.

Агата знала, что мать тоже боится.

Просто Елена боялась иначе.

Она боялась остаться без денег, без крыши над головой, без уверенности в завтрашнем дне. Боялась снова ошибиться. Боялась, что Виктор передумает, что отношения не выдержат быта, что всё рухнет ещё раз.

Агата боялась другого.

Что однажды привыкнет.

Что начнет считать чужие стены своими.

Что позволит себе поверить в обещания, а потом снова окажется среди коробок и обрывков разговоров.

— Виктор хороший, — повторила Елена уже тише. — Он не похож на тех людей, с которыми нам приходилось иметь дело.

Агата ничего не сказала.

Она не знала, кого именно мать имела в виду. Иногда Елена говорила о прошлом так, будто оно было болезнью, от которой они обе постепенно выздоравливали. Но никогда не рассказывала всё до конца.

Всегда оставались пробелы.

Незаполненные страницы.

Паузы.

Слова, которые обрывались на полпути.

Агата знала только главное: её отец давно исчез из их жизни. Просто однажды ушёл, оставив после себя долги, проблемы и слишком много вопросов, на которые никто не хотел отвечать.

После него Елена долго пыталась удержать всё одна.

Работала, экономила, улыбалась, когда не было сил, и делала вид, что всё под контролем. Но постепенно стало понятно, что прежняя жизнь больше не складывается. Деньги уходили быстрее, чем появлялись. Квартира стала непосильной. И тогда появился Виктор.

Человек, который предложил помощь без громких обещаний.

Человек, который сказал, что у него большой дом и достаточно места для них обеих.

Человек, который, по словам Елены, никогда не заставлял её чувствовать себя обязанной.

Агата пока не знала, что думать о нём.

Слишком много хороших слов иногда пугало сильнее, чем плохие.

— Ты хотя бы видела фотографии дома? — спросила Елена.

— Видела.

— И?

— Дом.

— Агата.

— Большой дом.

— Он старый, но очень уютный.

— У старых домов обычно скрипят полы.

— Там красивый сад.

— Осенью он будет мокрым.

Елена невольно улыбнулась.

— Ты можешь хотя бы один раз не искать недостатки?

— Могу. Но это будет подозрительно.

— У Виктора есть мастерская. Он много делает своими руками. Веранда, беседка, какие-то полки... Он вообще хозяйственный.

— Хорошо.

— И Тимур тоже помогает.

Агата чуть нахмурилась.

— Тимур?

— Да. Они вместе многое делают. Виктор рассказывал, что сын у него самостоятельный.

— Он живёт с ним?

— Конечно.

— И ему нормально, что к ним внезапно переезжают две женщины?

Елена на секунду замолчала.

— Я думаю, он понимает ситуацию.

— Ты думаешь?

— Виктор с ним разговаривал.

— А сам Тимур что сказал?

— Не знаю.

— То есть ты не знаешь, рад ли он нашему приезду?

— Агата, мы не обязаны получать разрешение на существование.

— Я не об этом.

— А о чём?

— О том, что это его дом. И если бы в мой дом без предупреждения приехал взрослый мужчина со своей матерью, я бы тоже не пришла в восторг.

Елена бросила на неё короткий взгляд.

— Ты не обязана с ним дружить.

— Отлично.

— Но и враждовать не нужно.

— Я даже ещё не видела его.

— Вот именно. Поэтому не придумывай заранее.

Агата отвернулась.

За окном показался указатель с названием города. Буквы блеснули от дождя, а под ним темнела дорога, уходящая между деревьями.

Небольшой город.

Здесь всё казалось тише. Даже темнота была другой — не городской, густой, почти настоящей. Вдалеке мелькали редкие окна, за заборами стояли припаркованные машины, иногда попадались старые деревянные дома с покосившимися крышами.

Агата почувствовала, как внутри неприятно сжалось.

Она привыкла к городу. К шуму за окном, к автобусам, к людям, которые спешили по своим делам. К возможности выйти из дома и раствориться среди прохожих. Здесь же каждый дом выглядел так, будто знал о своих жильцах больше, чем им хотелось бы.

— Здесь совсем тихо, — сказала она.

— Это хорошо.

— Для кого как.

— Тебе полезно немного отдохнуть от всего.

— Я не просила отдыхать.

Елена снова вздохнула.

— Ты можешь злиться на меня сколько угодно.

— Я не злюсь.

— Злишься.

— Немного.

— Я понимаю.

— Нет, мам. Ты не понимаешь.

Слова вырвались резче, чем она хотела.

Елена не стала спорить.

И это было хуже всего.

Агата сжала пальцы на папке, глядя на своё отражение в окне. В полутьме она казалась себе чужой: растрёпанные рыжевато-каштановые волосы, усталые глаза, бледное лицо, на щеке тонкая полоска от подушки — она задремала минут на десять в начале дороги.

Ей был двадцать один год.

Она должна была думать об учёбе, о проектах, о предстоящей сессии, о том, куда поехать летом и кем работать после колледжа. Должна была выбирать мебель для своей будущей квартиры, спорить с подругой о глупостях, переживать из-за неотвеченных сообщений.

А вместо этого она ехала в чужой дом, потому что взрослые снова не смогли справиться со своей жизнью.

И теперь от неё ждали, что она назовёт это шансом.

— Я просто хочу, чтобы ты была в безопасности, — сказала Елена.

Агата закрыла глаза.

Эта фраза всегда звучала как окончательный аргумент. После неё спорить становилось невозможно. Потому что безопасность была чем-то, против чего нельзя возражать. Даже если за неё приходилось платить собственной свободой.

— Я попробую, — сказала она наконец.

Елена повернула голову.

— Правда?

— Да.

- Спасибо.
- Только не жди, что я сразу начну называть Виктора папой.
- Я и не жду.
- И не буду делать вид, что мы одна большая счастливая семья.
- Я не прошу тебя делать вид.
- И если мне что-то не понравится, я скажу.
- Хорошо.
- И если я захочу уехать...
- Мы обсудим.

Агата кивнула.

Она не верила, что всё будет настолько просто. Но сейчас ей нужно было хотя бы дать матери это маленькое обещание.

Попробовать.

Не принять.

Не полюбить.

Не поверить.

Просто попробовать.

Машина свернула с главной дороги на узкую улицу. Асфальт здесь был неровным, по краям тянулись мокрые канавы, за заборами темнели сады. Фонари стояли далеко друг от друга, и между ними машина будто проваливалась в темноту.

Елена сбросила скорость.

— Уже близко.

Агата выпрямилась.

Сердце почему-то забилося чаще.

Она не знала, чего ожидала увидеть. Возможно, огромный современный коттедж с высокими воротами и холодными окнами. Возможно, что-то безликое, дорогое и чужое.

Но дом оказался совсем другим.

Сначала Агата заметила забор — невысокий, деревянный, местами потемневший от времени. За ним угадывались деревья, мокрые ветви и дорожка, ведущая к крыльцу. Потом в свете фар показался двухэтажный дом с тёмной крышей, старой верандой и широкими окнами.

Он выглядел не новым и не идеальным.

Скорее, прожившим долгую жизнь.

Домом, в котором уже случалось многое.

В одном из окон первого этажа не горел свет. Второй этаж тоже почти полностью утонул во тьме.

Только одно окно наверху светилось тёплым жёлтым светом.

Одинокий прямоугольник среди ночи.

Агата невольно задержала на нём взгляд.

— Красивый, — тихо сказала Елена.

— Старый.

— Я сказала красивый.

— Я слышала.

Машина медленно въехала во двор. Колёса прошуршали по мокрому гравию. Где-то за домом залаяла собака, затем быстро замолчала.

Агата посмотрела на освещённое окно.

Ей вдруг показалось, что за занавеской кто-то стоит.

Высокая тёмная фигура.

Неподвижная.

Будто кто-то уже заметил их приезд и теперь смотрел, как машина останавливается у крыльца.

Она моргнула.

В окне больше никого не было.

Только свет.

— Ну вот, — сказала Елена, выключая двигатель. — Приехали.

В салоне стало непривычно тихо.

Дождь продолжал стучать по крыше. Где-то под капотом остывал двигатель. На стекле медленно ползла последняя капля, собирая в себе отражение дома, фонаря и тёмного неба.

Агата не спешила открывать дверь.

Она посмотрела на свои руки, затем на дом.

На чужой дом.

На место, которое мать уже мысленно называла их будущим.

На окно второго этажа, где горел единственный свет.

И впервые за весь вечер подумала, что, возможно, дорога действительно закончилась.

Только домой она их не привела.

ЧАСТЬ

I

. ЧУЖОЙ ДОМ

Глава 1

Там, где нас не ждали

Первое, что Агата услышала после того, как открыла дверь машины, был дождь.

Он будто только и ждал, когда она выйдет из тёплого салона, чтобы сразу обрушиться на неё холодными каплями. Агата подняла воротник куртки и на несколько секунд застыла возле машины, глядя на дом.

Вблизи он казался ещё старше.

Не разваливающимся — нет. Просто прожившим слишком много лет, чтобы пытаться выглядеть моложе. Тёмные деревянные стены местами потемнели от дождя, на окнах стояли белые рамы, а над входом нависала небольшая крытая веранда. По краям ступенек росли кусты, уже тронутые осенью.

В одном из окон первого этажа горел свет.

И где-то внутри дома действительно кто-то ждал их.

— Идём, — тихо сказала Елена.

Агата не двинулась.

— Мам.

— Что?

— Ты уверена?

Елена посмотрела на неё поверх машины.

Несколько секунд она молчала, а потом подошла ближе.

— В чём именно?

— Во всём этом.

Елена поняла без объяснений.

Она посмотрела на дом, потом на дочь.

— Нет, — честно ответила она. — Не уверена.

Агата удивлённо подняла брови.

— Ты могла хотя бы немного соврать.

— Я слишком устала для хорошего вранья.

На лице Елены появилась слабая улыбка.

— Но я уверена в одном. Нам нужно было куда-то ехать. И я уверена, что Виктор не причинит нам вреда.

Агата ничего не ответила.

Это было не совсем то, что она хотела услышать.

Но, наверное, другого ответа сегодня и не существовало.

Елена достала из багажника последнюю сумку.

— Возьми это.

— Мам, я сама.

— Я знаю, что сама. Просто возьми.

— У тебя и так две.

— Тогда возьмём обе.

Агата забрала сумку.

Гравий под ногами хрустел от воды. Она шла за матерью по узкой дорожке, стараясь не смотреть на дом слишком внимательно.

Не получилось.

Она заметила старую деревянную лавку возле стены. На ней лежал перевернутый металлический таз. Рядом стояла пара мужских резиновых сапог, испачканных землёй. У крыльца — аккуратно сложенные дрова под навесом.

Всё выглядело слишком обычным.

И именно это почему-то настораживало.

В её жизни за последнее время обычного почти не осталось.

Елена поднялась на две ступеньки и остановилась перед дверью.

Рука замерла возле звонка.

— Ты чего? — спросила Агата.

— Ничего.

— Ты волнуешься.

— Немного.

— А говорила, что Виктор хороший.

— Хороший человек тоже может волноваться перед тем, как в его дом приезжают двое новых жильцов.

— Мы не жильцы.

Елена повернулась.

— А кто?

Агата открыла рот, но ответа не нашла.

Елена едва заметно улыбнулась.

— Вот видишь.

Она нажала на звонок.

Внутри раздался короткий металлический звук.

Почти сразу слышались шаги.

Тяжёлые, спокойные.

Дверь открылась.

На пороге стоял мужчина лет сорока пяти — может, чуть старше. Высокий, крепкий, с широкими плечами. На нём была тёмная футболка и рабочие брюки. Рукава были закатаны, на предплечье виднелись следы мелких царапин, словно он действительно большую часть времени проводил не в офисе, а за ремонтом чего-нибудь руками.

Волосы у висков уже серебрились.

Он сначала посмотрел на Елену.

И выражение его лица сразу изменилось.

Усталость ушла, появилась мягкая улыбка.

— Наконец-то.

Елена выдохнула.

— Прости. Дорога...

— Я знаю. Ты звонила.

Он шагнул вперёд, забрал у неё сумки и поставил их в прихожей.

— Я уже начал думать, что вы где-нибудь остановились переждать дождь.

— Мы бы предупредили.

— Знаю.

Он сказал это просто, без упрёка.

Потом посмотрел на Агату.

Несколько секунд они просто стояли друг напротив друга.

Агата вдруг почувствовала себя ребёнком, которого привели знакомиться с новым родственником.

Она ненавидела это ощущение.

Виктор первым протянул руку.

— Агата?

Она кивнула.

— Да.

— Я Виктор.

— Я знаю.

Он усмехнулся.

— Ну, это значительно упрощает знакомство.

Агата всё-таки пожала ему руку.

Ладонь у него была тёплой и шероховатой.

Рабочей.

— Рад наконец познакомиться нормально, — сказал Виктор. — Елена о тебе много рассказывала.

Агата покосилась на мать.

— Надеюсь, ничего лишнего.

— Ничего такого, за что мне пришлось бы сейчас вызывать адвоката.

Елена тихо рассмеялась.

Агата тоже не удержалась от улыбки.

Совсем небольшой.

Но всё же.

Виктор отступил в сторону.

— Заходите. Вы промокнете.

Агата переступила порог.

И сразу почувствовала запах дерева.

Не свежего, магазинного, а старого — сухого, тёплого, смешанного с чем-то домашним. Пахло кофе, стиральным порошком, немного дымом от камина или печи и ещё чем-то, что она не могла определить.

В прихожей стояла деревянная тумба, над ней висело большое зеркало. На крючках аккуратно лежали куртки. Возле стены — несколько пар обуви.

На первый взгляд всё было просто.

Но Агата сразу заметила, что почти все вещи здесь принадлежали мужчинам.

Тёмная куртка.

Толстовка.

Старый рюкзак.

Спортивная сумка.

Она задержала на ней взгляд.

На боку была вышита небольшая эмблема спортивного клуба.

Елена заметила.

— Это вещи Тимура.

Имя прозвучало впервые здесь.

Агата почему-то сразу посмотрела вверх.

— Он дома?

Виктор снял мокрую куртку и повесил её.

— Пока нет.

Елена нахмурилась.

— Он знает, что мы сегодня приезжаем.

— Конечно.

— И?

Виктор посмотрел на часы.

— Должен был уже вернуться.

В голосе ничего не изменилось.

Но Агата заметила, как он на секунду задержал взгляд на входной двери.

Совсем немного.

— Наверное, тренировка затянулась, — сказала Елена.

— Наверное.

Виктор произнёс это спокойно.

Слишком спокойно.

Агата ничего не сказала.

Ей не хотелось с первой минуты вмешиваться в чужие отношения.

Хотя слово «чужие» сейчас казалось странным.

Потому что ещё несколько минут назад этот дом был для неё просто адресом.

Теперь здесь существовали люди.

Привычки.

Разговоры.

Чей-то рюкзак.

Чьи-то куртки.

Чей-то сын, которого не было дома в тот момент, когда они приехали.

— Давайте сначала согреемся, — предложил Виктор. — Елена, ты наверняка ничего не ела.

— Я ела.

— Кофе не считается.

— Я выпила кофе и съела бутерброд.

— Это и есть ничего.

— Виктор...

— Я поставлю чайник.

— Я сама.

— Елена, ты четыре часа за рулём.

— Два с половиной.

— Тем более. Сиди.

Он уже направился на кухню.

Агата сняла куртку.

— Он всегда такой?

Елена посмотрела на неё.

— Какой?

— Решает за всех.

Мать задумалась.

— Иногда.

— А ты позволяешь?

— Иногда.

— Понятно.

— Агата, не начинай.

— Я ничего не начинаю.

— По твоему лицу обычно уже можно понять, что ты собираешься начать.

Агата улыбнулась.

— Значит, ты меня хорошо знаешь.

Елена посмотрела на неё несколько секунд, и улыбка постепенно исчезла с её лица.

— Очень хорошо.

В этих двух словах было столько всего, что Агата не стала продолжать.

Из кухни донёсся голос Виктора:

— Девушки, чай будете?

— Будем! — ответила Елена.

— С сахаром?

— Мне без.

— Агате?

Агата удивлённо посмотрела на мать.

Елена пожала плечами.

— Две ложки, — сказала она.

Виктор ответил:

— Запомнил.

Это простое слово почему-то заставило Агату насторожиться.

Запомнил.

Слишком рано для таких слов.

Слишком просто.

Она прошла дальше.

Дом был больше, чем казался снаружи.

Из прихожей открывался вид на гостиную. Там стоял большой диван, старое кресло возле окна, книжный шкаф и низкий деревянный стол. На стенах не было дорогих картин или каких-то признаков показной роскоши.

Зато было много фотографий.

Семейных.

Агата не стала рассматривать их.

Пока.

— Твоя комната наверху, — сказала Елена.

— Моя?

— Да.

— Отдельная?

— Конечно.

Агата посмотрела на неё с сомнением.

— Я почему-то думала, что буду спать на диване.

Виктор выглянул из кухни.

— Если хочешь, могу организовать.

— Виктор!

— Я шучу.

Он улыбнулся.

— Наверху две комнаты. Одна для Агаты, вторая - Тимура. Я всё подготовил.

— Не стоило.

— Стоило.

Агата не нашла, что ответить.

Виктор вернулся на кухню.

Елена взяла её за локоть.

— Пойдём.

Лестница оказалась деревянной. Каждая ступень слегка поскрипывала. Не раздражающе, а будто дом предупреждал каждого входящего о своём присутствии.

На втором этаже было прохладнее.

Коридор тянулся вдоль нескольких дверей. На стене висели фотографии в деревянных рамках.

Агата остановилась возле одной.

На фотографии был Виктор.

Он выглядел моложе.
Рядом стояла женщина с длинными тёмными волосами и улыбалась в камеру.
Между ними — маленький мальчик лет пяти.
Агата не успела рассмотреть его лицо.
Елена тихо сказала:
— Это Дарья.
Агата посмотрела на мать.
— Мама Тимура?
— Да.
Елена говорила спокойно, но её голос стал чуть тише.
— Потом расскажу.
— Хорошо.
Она не стала спрашивать.
Пока.
Они прошли дальше.
— Вот твоё комната.
Елена открыла дверь.
Агата вошла и остановилась.
Комната была простой, но светлой. Кровать у стены, письменный стол возле окна, шкаф, небольшая тумбочка. На подоконнике стояла маленькая стеклянная ваза с сухими веточками.
На кровати лежало новое покрывало.
На столе — настольная лампа.
Рядом с розеткой стоял удлинитель.
Агата медленно поставила сумку на пол.
— Он это всё купил?
— Да.
— Зачем?
— Потому что ты будешь здесь жить.
— Он даже не знает меня.
— Поэтому и купил самое обычное.
Агата провела пальцами по краю стола.
Ничего особенного.
Но всё было чистым.
Подготовленным.
Предусмотренным.
— Мне как-то неловко.
— Привыкнешь.
— Я не уверена, что хочу привыкать.
Елена присела на край кровати.
— Агата...
— Я знаю.
— Нет, ты не знаешь.
— Тогда скажи.
Мать некоторое время молчала.
— Я не хочу, чтобы ты чувствовала себя здесь гостьей.
Агата посмотрела на неё.
— А кем я должна себя чувствовать?
— С собой.
— В чужом доме?

— Пока да.
Агата слабо улыбнулась.
— Очень убедительно.
Елена встала и подошла к окну.
За стеклом темнел сад.
— Я понимаю, что тебе тяжело.
— Нет, мам. Ты понимаешь, что мне не нравится переезд. Это не одно и то же.
— Хорошо. Тогда объясни мне.
Агата долго смотрела на неё.
— Я устала начинать заново.
Елена опустила взгляд.
— Я тоже.
— Тогда почему мы всё время это делаем?
Ответа не последовало.
И Агата сразу пожалела, что спросила.
— Прости.
— Не надо.
Елена подошла к ней.
— Просто... иногда взрослые принимают решения не потому, что знают, как правильно.

Иногда они выбирают из того, что осталось.

Агата тихо усмехнулась.
— Очень оптимистично.
— Я стараюсь.
— Вижу.
Они обе улыбнулись.
Внизу что-то звякнуло.
— Чай готов, — донёсся голос Виктора.
Елена посмотрела на дочь.
— Идём?
Агата кивнула.
Но прежде чем выйти, ещё раз посмотрела на комнату.
Она не была её.
Пока.
Возможно, никогда не станет.

Однако в первый раз за несколько месяцев у неё было место, куда можно было поставить собственные книги.

Разложить одежду.
Оставить на столе рисунки.
Закрыть дверь.
И хотя бы ненадолго остаться одной.
Они спустились вниз.
На кухне уже стояли три чашки.
Виктор поставил перед Агатой кружку.
— Две ложки.
Она посмотрела на него.
— Вы действительно запомнили?
— А что, у меня память плохая?
— Не знаю.
— Тогда придётся постепенно исправлять впечатление.

Елена села напротив.

— Не обращай внимания. Он всегда пытается шутить, когда волнуется.

— Неправда.

— Правда.

— Я вообще никогда не волнуюсь.

Агата посмотрела на него.

— Даже сейчас?

Виктор задержал на ней взгляд, а потом усмехнулся.

— Особенно сейчас.

Разговор постепенно стал легче.

Они говорили о дороге, о городе, о колледже Агаты. Виктор расспрашивал, чем она занимается, какие предметы любит, собирается ли продолжать учёбу. Он не задавал неприятных вопросов и не пытался слишком быстро стать близким.

Это Агата оценила.

— Ты рисуешь? — спросил он, заметив папку возле её стула.

— Да.

— Давно?

— С детства.

— Профессионально?

— Нет. Я учусь.

— Покажешь как-нибудь?

Агата пожала плечами.

— Может быть.

— Не обещаю, что пойму.

— Не обязательно понимать.

— Тогда просто посмотрю.

Она кивнула.

Виктор сделал глоток чая.

— И ещё. Если тебе что-то понадобится — говори.

— Хорошо.

— Не «хорошо» для приличия. Действительно говори.

— Я поняла.

— Здесь не нужно ходить вокруг да около.

Агата посмотрела на него внимательнее.

— Вы всем это говорите?

— Нет.

— Почему?

Виктор слегка улыбнулся.

— Потому что не со всеми я живу в одном доме.

Елена бросила на него предупреждающий взгляд.

— Виктор.

— Что?

— Не дави.

— Я не давлю.

— Давишь.

Он поднял руки.

— Ладно. Молчу.

Агата неожиданно рассмеялась.

Виктор посмотрел на неё и тоже улыбнулся.

На несколько минут стало почти нормально.
Почти.
Пока в прихожей не хлопнула входная дверь.
Все трое одновременно замолчали.
Виктор поднял голову.
Посмотрел на часы.
Без четверти десять.
Елена тоже посмотрела на него.
— Тимур?
Виктор уже поднялся.
— Наверное.
Он вышел из кухни.
Агата невольно прислушалась.
Но в прихожей было тихо.
Ни голоса.
Ни шагов.
Через несколько секунд Виктор вернулся один.
— Нет.
— В смысле? — спросила Елена.
— Просто дверь от ветра.
Агата нахмурилась.
— Но она сама открылась?
Виктор посмотрел на неё.
— Видимо.
Он сел обратно.
Однако теперь его спокойствие казалось немного другим.
Елена положила руку рядом с его чашкой.
— Он точно знает, что мы приехали?
— Точно.
— И он сказал, что будет дома?
Виктор помолчал.
— Сказал, что постарается.
— Виктор...
— Елена, всё нормально.
— Я не говорю, что ненормально. Я спрашиваю, где он.
— Я тоже хотел бы знать.
В комнате повисла короткая тишина.
Агата почувствовала, что оказалась внутри разговора, который её пока не касался.
Поэтому встала.
— Я пойду разберу вещи.
Елена посмотрела на неё.
— Конечно.
Виктор кивнул.
— Если что-то не так с комнатой, скажи.
— Хорошо.
Агата поднялась по лестнице.
На середине она остановилась.
Снизу доносились приглушённые голоса.
Она не слышала слов.

Только интонации.
Мать говорила тихо.
Виктор отвечал ещё тише.
Агата не стала прислушиваться.
По крайней мере, попыталась не прислушиваться.
Она поднялась на второй этаж.
Коридор встретил её тишиной.
Слева была её комната.
Справа — закрытая дверь.
На ней ничего не было.
Ни фотографии.
Ни таблички.
Ни каких-либо признаков того, кто там живёт.
Агата уже собиралась пройти мимо, когда снизу снова послышался голос Виктора:
— Он должен был прийти ещё час назад.
Она остановилась.
Несколько секунд стояла неподвижно.
Потом заставила себя идти дальше.
Это не её дело.
Пока.
Она закрыла дверь своей комнаты и прислонилась к ней спиной.
Впервые за весь вечер Агата позволила себе выдохнуть.
За стеной был чужой дом.
Через несколько метров — комната человека, которого она ещё не видела.
Внизу — мужчина, который пытался сделать вид, что всё нормально.
А рядом с ним — её мать, которая слишком часто говорила, что всё будет хорошо.
Агата посмотрела на коробки.
Потом на окно.
За ним шёл дождь.
Где-то внизу скрипнула половица.
Дом словно вздохнул.
И Агата вдруг подумала, что, возможно, самым сложным здесь будет не привыкнуть к новым стенам.
А понять, что именно скрывают люди, которые живут внутри них.

Глава 2.

За семейным столом

Первое утро в новом доме Агата встретила раньше, чем собиралась.

Она проснулась не от будильника, а от непривычной тишины, в которой постепенно начали проступать звуки чужого дома. Где-то в глубине коридора скрипнула половица, за стеной тихо закрылась дверь, а снизу донёлся звон посуды. Через несколько секунд в комнату проник запах кофе, жареного хлеба и чего-то сладкого, домашнего — настолько обычного, что от этого становилось почти неуютно.

Агата некоторое время лежала, глядя в потолок.

Комната всё ещё казалась временной. Вещи были разложены по местам, чемодан убран в шкаф, на стуле лежала толстовка, а на подоконнике стояла её косметичка. Но всё это пока не делало пространство своим. Она словно находилась внутри чужой жизни, в которую её осторожно впустили, но ещё не объяснили, где именно ей следует расположиться.

Она потянулась к телефону.

6:18.

— Слишком рано, — пробормотала Агата и снова откинулась на подушку.

Но сон уже не возвращался.

За окном было серо. Ночью шёл дождь, и теперь мокрые ветви яблонь почти касались стекла. Новый город просыпался медленно, без привычного шума, без машин под окнами и голосов соседей. Всё казалось непривычно спокойным.

Агата вспомнила вчерашний вечер.

Мама старалась говорить легко, будто переезд был самым естественным событием в их жизни. Виктор показывал дом, рассказывал, где что находится, предлагал переставить мебель в её комнате, если ей не понравится. Он не был навязчивым, не пытался сразу изображать заботливого отчима, но явно хотел, чтобы они с Еленой чувствовали себя здесь не временными жильцами.

И всё же Агата пока не понимала, как можно за один день привыкнуть к тому, что у её матери теперь другой дом, другой мужчина и совершенно другая жизнь.

А ещё здесь был Тимур.

Сын Виктора.

Елена рассказывала о нём накануне довольно мало. Двадцать один год, второй курс колледжа, автомеханическое направление. Живёт с отцом, учится, занимается боксом. На этом сведения практически заканчивались.

«Он немного сложный, но хороший».

Мама произнесла это так, будто сама не знала, какое из двух определений важнее.

Агата тогда не стала расспрашивать. Ей казалось, что знакомство произойдёт само собой, без необходимости заранее составлять представление о человеке по чужим словам.

Она быстро умылась, собрала волосы и накинула свитер. Спускаясь по лестнице, Агата слышала голоса на кухне.

Виктор говорил что-то негромко, а Елена смеялась.

Обычный семейный разговор.

Именно так всё и должно было выглядеть.

На кухне было тепло. На столе стояла большая тарелка с сырниками, рядом — миска со сметаной, варенье, масло и нарезанный хлеб. Кофейник тихо побулькивал, наполняя помещение густым ароматом.

Виктор стоял у плиты и пытался перевернуть последний сырник, который почему-то никак не хотел отделяться от сковороды.

— Он разваливается, — заметила Елена, наблюдая за ним.

— Он не разваливается. Он принимает другую форму.

— Это называется разваливается.

— Ты слишком категорична с едой.

— Я просто не хочу, чтобы ты снова выдал нам на завтрак сладкую яичницу.

— Это был эксперимент.

— Это было преступление против кухни.

Виктор усмехнулся и наконец переложил сырник на тарелку.

Агата остановилась в дверях.

Всё выглядело настолько обыденно, что на мгновение она почувствовала себя лишней. Елена стояла у стола в домашнем свитере, Виктор возился с завтраком, на плите кипел чайник. Казалось, она попала не в первый день новой жизни, а в дом, где всё это происходило уже много лет.

— Доброе утро, — сказала Елена, заметив дочь.

— Доброе.

— Выспалась?

— Более-менее.

— Комната не мешала?

— Нет. Просто непривычно.

Виктор обернулся.

— Это нормально. Первые несколько ночей любой новый дом кажется гостиницей.

— А потом?

— Потом начинаешь замечать, что в гостиницах никто не оставляет кружки на подоконниках и не спорит из-за сырников.

— Значит, здесь уже есть признаки дома, — сказала Агата.

— Мы стараемся, — ответил он.

Виктор поставил перед ней тарелку и налил кофе, но тут же остановился.

— Тебе кофе можно?

— Можно.

— Чёрный?

— С молоком.

— Сахар?

— Половину ложки.

— Половину настоящую или ту, которую Елена считает половиной?

— Виктор.

— Что? Я уточняю.

Агата впервые за утро улыбнулась.

— Настоящую половину.

— Тогда у нас есть шанс угодить тебе.

Он добавил молоко и сахар, поставил чашку перед ней и сел напротив. Елена устроилась рядом, положив ладонь возле своей тарелки.

Виктор явно старался поддерживать разговор. Не слишком настойчиво, но заметно. Он спрашивал, как Агата спала, удобно ли ей в комнате, всё ли она успела разобрать, не нужно ли что-нибудь купить.

— Ты уже посмотрела, как добираться до колледжа? — спросил он.

— Немного. Но пока только по карте.

— По карте всё выглядит проще, чем есть на самом деле. Я могу отвезти тебя утром, показать дорогу.

— Не обязательно. Я сама разберусь.

— Я не сомневаюсь, что разберёшься. Просто первый день после переезда лучше не начинать с блужданий по незнакомому району.

— Я не потеряюсь.

— Это хорошо. Но если потеряешься, хотя бы будешь знать, кому позвонить.

— Я поняла.

— Не воспринимай это как контроль.

— А как что?

— Как попытку сделать первый день менее нервным.

Агата посмотрела на него поверх чашки.

— Я не нервничаю.

— Конечно, — спокойно сказал Виктор. — Люди обычно именно так и говорят, когда нервничают.

Елена улыбнулась.

— Не обращай внимания. Он с утра пытается всем доказать, что умеет быть заботливым.

— Я ничего не доказываю.

— Ты уже пять минут выясняешь, сколько сахара нужно положить в чужой кофе.

— Это важный вопрос.

— Для тебя все вопросы важные, если ты можешь их решить.

Виктор перевёл взгляд на Агату.

— Видишь, с чем мне приходится жить?

— Пока не вижу, — ответила она. — Но наблюдаю.

— Правильный подход. Сначала наблюдать, потом делать выводы.

В этой фразе не было ничего особенного, но Агата почему-то запомнила её.

Виктор старался. Это было очевидно. Он пытался сделать завтрак похожим на обычное семейное утро, задавал вопросы, шутил, вовлекал её в разговор. Елена поддерживала его, иногда незаметно помогая сгладить неловкость.

Агата уже начала понемногу расслабляться, когда в прихожей раздался звук открывшейся двери.

Не громкий. Просто щелчок замка, затем тяжёлые шаги по полу.

Елена подняла голову.

Виктор посмотрел на часы.

6:30.

Агата сначала не поняла, почему оба так одновременно замолчали.

Потом в дверном проёме появился Тимур.

Он вошёл в кухню, не произнося ни слова.

На нём была мокрая тёмная куртка, с которой на пол падали мелкие капли. Волосы промокли и прилипли ко лбу. На правой скуле темнел свежий синяк, нижняя губа была разбита, а возле брови виднелся небольшой пластырь. На костяшках пальцев проступали ссадины, одна рука была сжата в кулак, словно даже сейчас ему было неприятно полностью разжимать пальцы.

Он выглядел уставшим.

Не просто сонным после позднего возвращения, а вымотанным до такой степени, что каждое движение давалось через усилие. Походка была напряжённой, чуть скованной. Тимур будто контролировал каждый шаг, не позволяя себе показать, насколько болит тело.

Он коротко кивнул Виктору.

И всё.

Ни «доброе утро», ни вопроса, ни объяснения.

Просто кивок.

Виктор тоже ничего не спросил.

Не поднялся, не нахмурился, не поинтересовался, где сын провёл ночь и почему вернулся домой в таком виде. Он лишь немного отодвинул стоявшую рядом чашку, освобождая место на столе.

Агата перевела взгляд с одного на другого.

Именно это поразило её сильнее всего.

Не разбитая губа. Не синяк. Не пластырь возле брови.

А то, что Виктор даже не удивился.

Тимур снял куртку, повесил её на спинку стула возле двери и подошёл к столу. Он не посмотрел на Агату, хотя наверняка заметил её присутствие. Словно появление нового человека в доме сейчас было для него несущественной деталью.

— Кофе есть? — спросил он наконец.

Голос был хриплым и низким.

— Есть, — ответил Виктор.

Он поднялся, взял чистую чашку и налил кофе.

Тимур сел отдельно, чуть в стороне от остальных. Не за общее место, не рядом с отцом, а так, будто заранее выбрал точку, в которой его никто не станет трогать.

Виктор поставил перед ним чашку.

— Горячий.

— Вижу.

— Поешь.

— Не хочу.

— Хотя бы что-нибудь.

— Не сейчас.

Разговор звучал спокойно. Без раздражения, без привычного родительского недовольства. Виктор не настаивал, но и не отступал полностью. Он просто произносил короткие фразы, словно между ними существовали давно установленные правила, смысл которых Агате был недоступен.

Тимур обхватил чашку ладонями и сделал глоток.

Его лицо едва заметно изменилось. Возможно, от боли, возможно, от усталости. Он поставил чашку на стол и провёл языком по разбитой губе.

Елена смотрела на него слишком внимательно.

— Тимур, ты хотя бы...

— Всё нормально, — перебил он.

— Я ещё ничего не сказала.

— Но собиралась.

— Я собиралась спросить, нужна ли тебе аптечка.

— Не нужна.

— У тебя пластырь возле брови.

— Я заметил.

— И губа разбита.

— Это тоже.

Елена замолчала.

Агата почувствовала, что разговор снова остановился на полуслове. Будто каждый здесь знал, где проходит граница, за которую нельзя заходить.

— Ты хотя бы спал? — спросила Елена уже тише.

Тимур посмотрел на неё.

— Немного.

— Тимур...

— Елена, я дома.

Он произнёс это без грубости, но так, что продолжать было бессмысленно.

Елена опустила взгляд.

Виктор всё это время молчал. Он сидел напротив сына, держа чашку в руке, и смотрел на него спокойно. Не холодно. Не безразлично. Скорее, внимательно, но без желания задавать вопросы при посторонних.

Агата не могла понять, что происходит.

Если бы её сын вернулся домой под утро в таком состоянии, она бы как минимум спросила, что случилось. Возможно, подняла бы шум. Потребовала объяснений. Но Виктор вёл себя так, будто видел подобное не впервые.

Тимур быстро допил кофе.

— Я пойду.

— Сначала переоденься, — сказал Виктор.

— Я знаю.

— И обработай руки.

— Папа...

— Тимур.

В голосе Виктора впервые появилась твёрдость.

Тимур посмотрел на него. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

И снова Агата почувствовала странность происходящего.

Между ними не было открытой ссоры. Не было ни обвинений, ни оправданий. Только короткий обмен взглядами, в котором, казалось, содержалось гораздо больше, чем в длинном разговоре.

Тимур отвёл глаза.

— Хорошо.

Он поднялся из-за стола.

Когда проходил мимо Агаты, она заметила, насколько напряжённо он держит плечи. Будто любое лишнее движение причиняло боль. Он был совсем молодым, но в его усталости не было ничего юношеского.

— Тимур, — неожиданно сказала Елена.

Он остановился.

— Что?

— Поздоровайся хотя бы.

Тимур медленно повернул голову.

Его взгляд впервые остановился на Агате.

Несколько секунд он смотрел на неё, словно только сейчас вспомнил, что в кухне находится кто-то ещё.

— Привет, — произнёс он.

— Привет.

— Ты Агата?

— Да.

— Я Тимур.

— Я знаю.

— Мама рассказывала?

— Да.

Он коротко кивнул.

— Понятно.

И снова собирался уйти.

Агата сама не знала, почему решила заговорить:

— У тебя всё нормально?

Виктор едва заметно поднял глаза.

Тимур остановился.

Вопрос был простым, почти автоматическим. Но после него в кухне возникла тишина, слишком плотная для обычного утра.

Тимур посмотрел на Агату.

— Нормально.

— Ты выглядишь не очень нормально.

— Это временное явление.

— Синяк тоже?

— Особенно синяк.

— А пластырь?

— Он вообще ненадолго.

— А губа?

Тимур несколько секунд смотрел на неё, затем едва заметно усмехнулся. Улыбка получилась короткой и усталой, но в ней впервые появилось что-то живое.

— Не переживай. Я не умираю.

— Я и не думала.

— Хорошо.

— Просто спросила.

— Я понял.

Он посмотрел на отца.

— Я наверх.

— Иди, — ответил Виктор.

Тимур ушёл.

Его шаги медленно стихли на лестнице. Через некоторое время наверху закрылась дверь. На кухне остались трое.

Агата смотрела на чашку, которую Тимур оставил почти пустой. На столе рядом с ней лежала капля воды, упавшая с его куртки. Всё выглядело обыденно, но ощущение нормальности исчезло.

— Он всегда так возвращается? — спросила она.

Елена подняла на неё глаза.

— Как?

— Под утро. В таком состоянии.

— Он занимается боксом, — ответила мама.

— Я знаю.

— У него бывают тяжёлые тренировки.

— Настолько тяжёлые, что человек приходит с разбитой губой и пластырем возле брови?

Елена не ответила сразу.

Виктор спокойно поставил чашку на блюдце.

— Тимур серьёзно занимается спортом.

Агата замолчала, пытаясь подобрать слова. Ей не хотелось звучать любопытной или вмешиваться в чужие отношения. Но происходящее было слишком очевидным, чтобы сделать вид, будто ничего не заметила.

— Вы даже не спросили, что с ним случилось.

Елена тихо вздохнула.

Виктор посмотрел на неё, затем снова на Агату.

- Если Тимур захочет рассказать, он расскажет.
- А если не захочет?
- Значит, не захочет.
- И вы просто оставите всё как есть?
- Агата, — мягко сказала Елена, — у каждого человека есть личные границы.
- Даже если он возвращается домой в таком виде?
- Особенно тогда.
- Но вы же волнуетесь.
- Виктор на несколько секунд замолчал.
- Конечно, волнуюсь.
- Тогда почему не спрашиваете?
- Потому что вопрос не всегда помогает человеку ответить.
- А молчание помогает?
- Иногда.
- Или просто позволяет делать вид, что проблемы нет?
- Виктор не обиделся. Он лишь посмотрел на неё чуть внимательнее.
- Ты привыкла, что если что-то происходит, это нужно сразу обсуждать?
- Обычно да.
- А если человек не готов?
- Тогда хотя бы можно попытаться понять, что случилось.
- Иногда попытка понять выглядит как давление.
- Агата отвела взгляд.
- Елена положила ладонь на её руку.
- Не принимай это на свой счёт. Тимур не со всеми легко общается.
- Я заметила.
- Он не плохой.
- Я этого не говорила.
- Но подумала.
- Я просто не понимаю.
- И не обязана понимать всё сразу.
- Виктор поднялся из-за стола и собрал пустые чашки.
- Дайте ему время.
- Он забрал чашки и вышел из кухни.
- Агата осталась сидеть за столом.
- Елена продолжила собирать посуду, но теперь делала это медленнее.
- Не пытайся сразу во всём разобраться, — сказала она.
- Я не пытаюсь.
- Пытаешься.
- Просто странно.
- Что именно?
- Агата посмотрела на лестницу, за которой исчез Тимур.
- Они понимают друг друга без слов.
- Виктор и Тимур?
- Да.
- Они давно вместе живут.
- Дело не только в этом.
- А в чём?
- Агата задумалась.

— В том, что Виктор не задаёт вопросов. Тимур не объясняется. Они будто заранее знают, что можно сказать, а что нельзя. И даже когда спорят, это не похоже на обычную ссору.

Елена слабо улыбнулась.

— Они отец и сын.

— Я понимаю.

— Просто у них такой характер общения.

— Нет, — тихо сказала Агата. — Это не просто характер.

Елена посмотрела на неё, но ничего не ответила.

Сверху снова слышались шаги. Тимур, вероятно, вернулся в комнату за чем-то. Через несколько секунд раздался звук открывшегося окна, затем — приглушённый скрип пола.

Агата невольно подняла голову.

В этом доме все умели молчать.

Виктор — когда знал больше, чем собирался сказать.

Елена — когда не хотела задавать вопросы.

Тимур — когда возвращался домой на рассвете с разбитым лицом и делал вид, что ничего необычного не произошло.

Они молчали так уверенно, так привычно, будто молчание было не неловкостью, а отдельным языком, которым пользовались только свои.

Агата пока не знала этого языка.

И, кажется, именно поэтому ей хотелось слушать ещё внимательнее.

Глава 3.

Звуки за стеной

Первый выход из дома в новом городе начался для Агаты с непривычного ощущения растерянности. Она заранее вышла из дома, несколько раз проверила маршрут на телефоне, но всё равно свернула не на ту улицу и была вынуждена остановиться у перекрёстка, пытаясь понять, куда идти дальше.

Город пока не складывался для неё в цельную картину. Он состоял из незнакомых домов, остановок с непривычными названиями, небольших магазинов и людей, которые уверенно двигались по своим делам. Все вокруг, казалось, знали, куда направляются. Только она чувствовала себя человеком, которого случайно высадили посреди чужой истории.

Колледж оказался больше, чем она представляла. Старое кирпичное здание с высокими окнами, несколькими входами и длинными коридорами, в которых легко было потеряться. У главного входа толпились студенты: кто-то обсуждал расписание, кто-то пытался найти нужную аудиторию, кто-то уже жаловался на преподавателей, хотя учебный день ещё толком не начался.

Агата остановилась у стенда с расписанием и достала телефон. Номер кабинета, этаж, корпус — всё выглядело просто на экране, но совершенно иначе воспринималось в реальности.

— Если вы ищете аудиторию 214, то вам не сюда, — раздался рядом женский голос. — Второй этаж в другом крыле. Здесь лестница ведёт только к административным кабинетам.

Агата обернулась.

Перед ней стояла девушка примерно двадцати трёх лет с тёмными волосами, собранными в небрежный хвост. На ней были джинсы, светлая рубашка и тёмный жилет с бейджем. В руках она держала несколько папок и блокнот, исписанный мелкими заметками.

— Я как раз пытаюсь понять, куда мне идти, — призналась Агата. — Кажется, уже успела заблудиться.

— Для первого дня это почти обязательная часть программы, — улыбнулась девушка. — Я сама здесь в первый раз нормально ориентироваться начала только через неделю.

— Вы тоже недавно поступили?

— Нет, я уже третий курс. Но я не учусь здесь постоянно, поэтому всё равно периодически чувствую себя гостем.

Она показала на бейдж.

— Кира. Журналистика. Сейчас прохожу практику в архиве.

— Агата. Второй курс, проектирование.

— Тогда тебе в левое крыло. Поднимешься по лестнице, пройдёшь мимо кабинета завуча и повернёшь направо. Там будет длинный коридор. Если увидишь стенд с фотографиями выпускников за девяностые — значит, идёшь правильно.

— Очень точный ориентир.

— Здесь вообще всё держится на ориентирах, которые никто не подписал, — серьёзно сказала Кира. — Например, архив находится за дверью с табличкой «Склад». Почему — никто не знает. Наверное, чтобы туда не ходили лишние люди.

Агата улыбнулась.

— А ты часто там работаешь?

— Почти каждый день. Разбираю старые газеты, подшивки, материалы для одного проекта. Иногда нахожу такие вещи, что хочется написать не статью, а детектив.

— Например?

— Пока не могу рассказать. Вдруг ты окажешься человеком, который потом украдёт мою сенсацию.

— Я учусь проектировать здания, а не воровать журналистские расследования.

— Это хорошее алиби, — кивнула Кира.

Разговор получился неожиданно лёгким. Агата не чувствовала, что её расспрашивают из вежливости или пытаются выяснить, кто она такая. Кира говорила свободно, без навязчивости, и в её присутствии незнакомое здание уже не казалось таким огромным.

Они дошли до нужного крыла вместе. Кира остановилась у лестницы.

— Дальше тебе самой. У меня архив, а он, к сожалению, находится в противоположной стороне от всех нормальных помещений.

— Спасибо. Я бы, наверное, ещё минут двадцать ходила кругами.

— Не переживай. Через пару недель начнёшь сама объяснять новичкам, где здесь что находится.

— Надеюсь, к тому времени не забуду, где мой кабинет.

— Это уже зависит от преподавателей, — усмехнулась Кира. — Они любят менять аудитории в последний момент.

— Отличное начало учебного года.

— Добро пожаловать во взрослую жизнь.

Кира ушла вниз по коридору, а Агата поднялась по лестнице. Перед дверью аудитории она ещё раз посмотрела на расписание и только после этого вошла.

В группе почти никого не знала. Несколько человек сидели за партами, кто-то листал конспекты, кто-то обсуждал лето. Разговоры звучали непринуждённо, но Агата пока не понимала, как в них включиться. Она выбрала место у окна, достала тетрадь и постаралась сосредоточиться на происходящем.

Преподаватели сразу дали понять, что второй курс не будет лёгким. Задания становились сложнее, требования — строже. Теперь от студентов ждали не просто аккуратного выполнения работы, а самостоятельного мышления и умения объяснить, почему они приняли то или иное решение.

На первой же паре преподавательница предупредила:

— В этом году я не собираюсь принимать работу только потому, что вы потратили на неё много времени. Важно не количество часов, проведённых за чертежом, а результат. Ошибки допустимы. Невнимательность — уже нет.

Агата записывала, стараясь не отвлекаться. Ей действительно нравилось проектирование. В нём всё имело структуру: линии, размеры, расчёты, последовательность действий. Если что-то не сходилось, причину можно было найти. Не нужно было угадывать чужое настроение или пытаться понять, что человек скрывает за коротким ответом.

Но мысли всё равно время от времени возвращались домой.

К Тимуру.

Она знала, что он тоже учится в этом колледже, на втором курсе, только на автомеханическом направлении. Мать рассказывала об этом ещё до переезда, поэтому новостью это для неё не стало. Говорили, что учится он хорошо, хотя появляется редко. Преподаватели, судя по всему, относились к нему неоднозначно: результаты у него были достойные, но посещаемость оставляла желать лучшего.

Агата пока не понимала, как человек может хорошо учиться, почти не появляясь на занятиях. Но после утренней встречи за кухонным столом уже не удивлялась тому, что в Тимуре многое не укладывается в обычные представления.

Он вообще производил впечатление человека, который живёт по собственным правилам.

На перемене Агата снова столкнулась с Кирой. Та стояла возле окна с папкой под мышкой и пыталась одновременно читать какой-то документ и пить кофе.

— Нашла кабинет? — спросила она.

— С третьей попытки.

— Значит, всё идёт по плану.

— А у тебя как практика?

— Сегодня разбираю подшивку местной газеты за двенадцатый год. Пока нашла только объявления о продаже коров и поздравления с юбилеями.

— Звучит содержательно.

— Ты удивишься, сколько семейных драм можно обнаружить в поздравлениях. «Любимой супруге от человека, который всё осознал» — и дальше дата свадьбы двадцать лет назад. Очень подозрительно.

Агата рассмеялась.

— Ты всё превращаешь в расследование?

— Это профессиональная деформация. Я даже когда в магазин хожу, замечаю, кто слишком нервно прячет чек.

— И что ты собираешься делать после выпуска?

— Пока не решила. Может, новости. Может, документальные проекты. Может, вообще уйду писать тексты для людей, которые не умеют формулировать мысли.

— Тогда у тебя будет много работы.

— Особенно в интернете.

Кира говорила легко, но в её вопросах не было пустого любопытства. Она спросила, откуда Агата приехала, нравится ли ей город, удобно ли добираться до колледжа. Агата отвечала осторожно, не вдаваясь в подробности переезда.

— Пока привыкаю, — сказала она.

— К городу?

— Ко всему сразу.

Кира заметила, что ответ прозвучал чуть тише, чем остальные, но не стала расспрашивать.

— Тогда не торопись. Новый город редко становится своим за несколько дней. Сначала ты просто запоминаешь дороги. Потом места. Потом людей. А уже потом появляется ощущение, что ты здесь не случайно.

Эта фраза почему-то осталась у Агаты в памяти.

После занятий она задержалась ненадолго, чтобы уточнить у преподавателя задание. Когда вышла из колледжа, уже начинало темнеть. Дорога домой заняла почти сорок минут, и всё это время она пыталась запомнить маршрут, чтобы в следующий раз не смотреть в телефон на каждом перекрёстке.

Дом встретил её тишиной.

В гостиной горел свет, из кухни доносился голос Елены. Виктор разговаривал по телефону, стоя у окна. Агата сняла куртку и прошла внутрь.

— Ну как первый день? — спросила мать.

— Нормально. Колледж большой. Я несколько раз заблудилась.

— Познакомилась с кем-нибудь?

— С одной девушкой. Её зовут Кира. Она на третьем курсе журналистики, проходит практику в архиве.

— Уже хорошо, — улыбнулась Елена. — Хоть кто-то сможет тебе объяснить, где там что находится.

— Она сказала, что через пару недель я сама буду водить новичков по коридорам.

— Значит, человек с чувством юмора, — заметил Виктор, убирая телефон.

Ужин прошёл спокойно. Тимура снова не было. Агата заметила это, но не стала спрашивать. После утренней сцены она уже понимала: в этом доме отсутствие Тимура не считалось чем-то, что обязательно нужно объяснять.

Позже, когда она поднялась к себе, долго не могла уснуть. Новый день был насыщенным, но усталость не приносила спокойствия. В голове перемешивались лица преподавателей, незнакомые коридоры, голос Киры и образ Тимура, который утром сидел на кухне так, будто между ним и всеми остальными стояла невидимая преграда.

Около одиннадцати вечера за стеной раздался глухой удар.

Агата открыла глаза.

Через несколько секунд последовал второй. Потом третий.

Сначала она решила, что Тимур что-то ремонтирует. Возможно, у него сломалась мебель или он двигает тяжёлые вещи. Но удары повторялись с одинаковым интервалом, и вскоре к ним добавился звук тяжёлого дыхания.

Она села на кровати и прислушалась.

Удар. Пауза. Ещё один.

Выйдя в коридор, Агата увидела узкую полоску света под дверью Тимура. Дверь была приоткрыта. Она подошла ближе, не собираясь заглядывать внутрь, но очередной звук заставил её остановиться.

В комнате висела тренировочная груша. Рядом на полу лежали бинты, спортивные перчатки и полотенце с тёмными пятнами крови.

Тимур стоял перед грушей в тёмной футболке и бил по ней с такой силой, будто пытался не просто отработать удары, а заглушить что-то внутри себя. Его движения были точными, резкими, почти механическими. Он продолжал до тех пор, пока дыхание не стало тяжёлым, а руки — заметно дрожащими.

Агата невольно задержала взгляд на его костяшках.

Тимур заметил её не сразу. Он остановился только после очередного удара и, подняв голову, увидел отражение Агаты в зеркале.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

— Извини, — тихо сказала она. — Я услышала шум. Думала, ты что-то ремонтируешь.

— Нет, — ответил он.

Он снял перчатку и бросил её на стул. В его голосе не было раздражения, но и желания продолжать разговор тоже не было.

— Ты тренируешься по ночам?

Тимур посмотрел на сбившийся бинт, начал медленно распускать его и ответил:

— Что-то вроде.

— Просто... я не ожидала.

— Теперь ожидаешь.

Агата не знала, что сказать. В комнате было слишком много деталей, которые не сочетались с обычным представлением о студенте автомеханического направления: груша, бинты, кровь, усталое лицо и напряжение, от которого казалось, будто он даже в покое продолжает бороться.

— Ты не боишься себе руки повредить? — спросила она.

— Бывает.

— И всё равно продолжаешь?

— Бывает и хуже.

Он произнёс это спокойно, без попытки произвести впечатление. Именно поэтому фраза прозвучала неприятнее, чем могла бы прозвучать угроза.

Агата посмотрела на его руки.

— У тебя кровь.

— Я заметил.

— Может, стоит остановиться?

Тимур поднял на неё глаза. Взгляд был усталым, но не злым.

— Агата, я не собираюсь устраивать здесь представление. Просто тренируюсь.

— Я не говорила, что ты устраиваешь представление.

— Но стоишь и смотришь так, будто пытаешься понять, что происходит.

— А разве это странно?

— Для тебя — возможно.

Он отвернулся, снова занявшись бинтами. Агата почувствовала, что разговор закончился, хотя формально Тимур её не прогонял.

— Ладно, — сказала она. — Я не буду мешать.

— Хорошо.

Она уже сделала шаг назад, когда услышала его голос:

— И дверь в следующий раз не открывай.

Агата остановилась.

— Она была приоткрыта.

— Всё равно.

— Я поняла.

Тимур ничего не ответил. Только снова надел перчатку, словно разговор уже перестал для него существовать.

Агата вернулась в свою комнату и закрыла дверь. Но уснуть теперь было ещё сложнее.

За стеной снова слышались удары. Уже реже, тяжелее, с большими паузами между ними. Потом всё стихло.

Она лежала в темноте и смотрела в потолок.

Теперь она знала, что Тимур не просто редко появляется в колледже и не просто возвращается домой с разбитой губой. В его жизни существовало что-то, о чём он не собирался рассказывать ни ей, ни Елене. Возможно, даже Виктору он говорил далеко не всё.

Но сильнее всего Агату тревожило другое: в его голосе не было злости, когда он попросил её не мешать. Только усталое желание остаться невидимым.

И почему-то именно это пугало больше всего.

В новом доме стены были тонкими. Слишком тонкими, чтобы скрывать звуки. Но люди здесь всё равно умели прятать гораздо больше, чем позволяли стены.

Глава 4.

Семья по умолчанию

К концу недели Агата уже научилась не путаться в коридорах колледжа, запомнила дорогу до остановки и даже перестала каждый раз проверять адрес дома в телефоне. Город по-прежнему оставался чужим, но постепенно переставал казаться бесконечным лабиринтом. Теперь у него появились знакомые ориентиры: небольшая кофейня возле перекрёстка, книжный магазин с выцветшей вывеской, автобусная остановка, на которой по утрам всегда собиралось слишком много людей.

С домом всё было сложнее.

Она привыкала к нему не столько благодаря времени, сколько вопреки ему. Здесь всё выглядело удобно, правильно и слишком обжито для людей, которые появились в этом пространстве совсем недавно. У каждой вещи было своё место. У каждого человека — свои привычки. И, судя по всему, у каждого разговора существовала граница, за которую лучше было не заходить.

В пятницу вечером Елена попросила Агату помочь накрыть на стол.

— Виктор сказал, что сегодня поужинаем все вместе, — сообщила она, доставая из шкафа тарелки.

— Все — это кто?

— Мы, Виктор и Тимур.

Агата поставила на стол стаканы.

— Он вообще будет ужинать с нами?

— Надеюсь.

— Это прозвучало так, будто ты пригласила его в чужой дом.

Елена на мгновение замерла, затем поправила салфетки.

— Просто у Тимура свой режим.

— Он живёт здесь.

— Я знаю.

— Иногда это не очень заметно.

Елена посмотрела на неё с лёгким предупреждением, но без раздражения.

— Агата, не нужно заранее воспринимать каждую его привычку как личное отношение к нам.

— Я не воспринимаю. Я просто замечаю.

— Замечать можно по-разному.

Агата хотела ответить, но промолчала. Мать явно старалась сгладить всё ещё до того, как возникал конфликт. Даже если конфликт существовал только в её голове.

Виктор пришёл на кухню первым. Он снял часы, положил их рядом с телефоном и с удовлетворением оглядел стол.

— Вот теперь похоже на нормальный вечер, — сказал он. — А то мы все живём как люди, которые случайно оказались в одном здании.

— Мы и оказались, — заметила Агата.

— Формально — да. Но я надеюсь, что со временем это изменится.

Он говорил легко, почти шутливо, однако Агата заметила, что Виктор бросил взгляд на дверь кухни. Будто проверял, кто ещё должен появиться.

Елена поставила на стол горячее блюдо.

— Не начинай сразу с больших заявлений. Просто поужинаем.

— Согласен. Никаких больших заявлений. Только еда, погода и разговоры, которые никого не пугают.

— Тогда тебе придётся молчать, — сказала Елена.

— Я умею. Иногда даже слишком хорошо.

Агата улыбнулась. Виктор действительно старался сделать атмосферу непринуждённой. Он спрашивал её об учёбе, интересовался, как прошла неделя, удобно ли добираться до колледжа, удалось ли познакомиться с кем-нибудь.

— Уже не теряюсь в коридорах, — ответила Агата.

— Значит, адаптация идёт успешно.

— Сегодня я даже сама объяснила одной первокурснице, где находится нужная аудитория.

— Вот видишь. Ещё немного — и колледж начнёт считать тебя своим сотрудником.

— Надеюсь, хотя бы с зарплатой.

— Это уже вопрос к администрации.

Елена засмеялась, и на несколько минут ужин действительно стал похож на обычный семейный вечер. Они говорили о преподавателях, о ремонте в доме, который Виктор собирался закончить до зимы, о погоде, внезапно испортившейся к выходным.

— Если дождь продолжится, на выходных никуда не поедем, — сказала Елена.

— Почему же? — возразил Виктор. — Можно поехать и промокнуть в другом месте.

— Очень заманчивый план.

— Я всегда предлагаю насыщенный отдых.

— Ты называешь поездкой даже поход за продуктами.

— Потому что это совместное мероприятие.

Агата снова улыбнулась. Ей хотелось запомнить этот момент именно таким: тёплый свет над столом, запах еды, спокойный голос матери и Виктор, который пытался сделать из простого ужина что-то большее. Что-то похожее на начало общей жизни.

Но Тимур появился почти через двадцать минут после того, как они сели.

Он вошёл на кухню без спешки, в тёмной футболке и спортивных брюках. Волосы были сухими, лицо — спокойным, но взгляд усталым. Он остановился у двери, коротко посмотрел на всех и произнёс:

— Привет.

Это было первое слово, сказанное им за весь вечер, и Агата почему-то обратила на него внимание.

— Мы уже начали, — сказал Виктор.

— Вижу.

— Можешь присоединиться.

Тимур перевёл взгляд на стол.

— Я сам возьму.

Он достал тарелку, положил себе еду и сел не рядом с ними, а на край стола, оставив между собой и остальными свободный стул. Это выглядело не демонстративно. Скорее привычно. Будто он даже не задумывался о том, где именно садится.

Елена пододвинула к нему хлеб.

— Здесь ещё есть салат.

— Спасибо.

Он сказал это вежливо, но без особой теплоты. Не грубо, не вызывающе — просто так, как человек обращается к тому, с кем пока не успел установить близкие отношения.

Виктор продолжил разговор, но теперь делал это чуть осторожнее.

— Тимур, у тебя на выходных какие планы?

— Пока не знаю.

- Ты говорил, что хотел заняться машиной.
- Возможно.
- Возможно — это значит да или нет?
- Это значит, что я ещё не решил.
- Прекрасно. Очень конкретно.
- Ты сам спросил.
- Я заметил.

Тимур опустил взгляд в тарелку. На губах у него едва заметно дрогнул уголок, но улыбкой это назвать было трудно. Виктор тоже усмехнулся, хотя взгляд его оставался внимательным.

Агата заметила, что он следит за Тимуром слишком тщательно. Не навязчиво, не открыто, но постоянно. Проверяет, поел ли тот, как держит вилку, не слишком ли долго молчит, не изменилось ли выражение его лица. При этом Виктор старательно делал вид, что просто поддерживает разговор.

- Как учёба? — спросила Елена.
- Тимур поднял голову.
- Нормально.
- Второй курс сложнее?
- Пока нет.
- А посещаемость? — спросил Виктор.

Вопрос прозвучал спокойно, почти буднично, но Тимур сразу посмотрел на него.

- Ты уже знаешь ответ.
- Я хочу услышать его от тебя.
- Тогда зачем спрашиваешь?

На кухне ненадолго стало тише.

Виктор не изменился в лице.

- Потому что иногда полезно отвечать словами.
- Посещаемость не влияет на оценки.
- Это не одно и то же.
- Я знаю.
- Хорошо, что хотя бы это.

Тимур отложил вилку и посмотрел на него уже прямо. Между ними возникло короткое напряжение, непонятное Агате, но явно знакомое обоим. Они не повышали голос, не спорили по-настоящему, однако в нескольких фразах было больше смысла, чем в длинном разговоре.

Елена вмешалась мягко:

- Главное, что он справляется с учёбой.
- Я не сказал обратного, — ответил Виктор.
- Но прозвучало именно так.
- Я просто уточнил.
- Ты слишком часто что-то уточняешь, — заметил Тимур.

Виктор посмотрел на него. На этот раз в его взгляде мелькнуло что-то похожее на усталую улыбку.

- А ты слишком часто делаешь вид, что ничего не происходит.

Тимур больше ничего не ответил. Он снова взял вилку и продолжил есть, словно разговор на этом закончился.

Агата сидела молча, стараясь не показывать, насколько внимательно слушает. Ей казалось, что она присутствует не на семейном ужине, а при разговоре людей, давно знающих друг друга и привыкших говорить не то, что имеют в виду, а то, что можно произнести вслух.

Елена перевела тему на ремонт.

- Виктор, ты всё-таки решил, что делать с гостевой комнатой?

— Пока нет. Думаю заменить окно и перекрасить стены.

— А зачем? Там всё нормально.

— Нормально — не значит хорошо.

— Иногда нормально вполне достаточно.

— Это ты сейчас про ремонт или про жизнь?

— Про ремонт. Не льсти себе.

Агата улыбнулась, но Тимур неожиданно тихо усмехнулся. Виктор заметил это и на секунду посмотрел на него с таким выражением, будто именно этой реакции и ждал.

— Вот, — сказал он. — Хоть кто-то оценил.

— Я просто услышал шутку, — ответил Тимур.

— Уже достижение.

— Не преувеличивай.

Несмотря на редкие реплики, Тимур не выглядел полностью отстранённым. Он слышал разговор, реагировал на отдельные слова, иногда бросал короткие замечания. Но всякий раз, когда Виктор пытался перевести внимание непосредственно на него, Тимур словно закрывался.

Он избегал смотреть на него дольше необходимого. Отвечал коротко. Не спорил открыто, но и не позволял приблизиться к тем темам, которые явно существовали между ними.

Елена делала вид, что не замечает этого. Она продолжала спрашивать Агату о коллежде, рассказывала о планах на выходные, обсуждала продукты и бытовые мелочи. Но слишком быстро меняла тему всякий раз, когда разговор приближался к чему-то личному.

В доме действительно существовали правила, о которых никто не говорил вслух.

Не спрашивать Тимура, где он был, если он сам не рассказывает. Не задерживать на нём взгляд, когда он возвращается с очередным повреждением. Не задавать Виктору вопросов, если он отвечает слишком спокойно. Не пытаться понять то, что остальные давно приняли как часть повседневности.

После ужина Тимур первым встал из-за стола.

— Спасибо, — сказал он скорее в сторону стола, чем кому-то конкретно.

— Ты даже чай не будешь? — спросил Виктор.

— Нет.

— Рано уходишь.

— Мне нужно кое-что закончить.

— Что именно?

Тимур посмотрел на него.

— Ты хочешь подробный отчёт?

— Было бы неплохо.

— Тогда в следующий раз подготовлю.

Он ушёл прежде, чем Виктор успел ответить. Через несколько секунд наверху тихо закрылась дверь.

Агата помогала матери собирать посуду. Виктор остался на кухне, но больше не шутил. Он смотрел в сторону лестницы, словно прислушивался к звукам наверху.

— Он не плохой, — сказала Елена позднее, когда они с Агатой остались вдвоём в комнате.

Агата поставила чашку на стол.

— Я не говорила, что он плохой.

— Я знаю. Просто ты смотришь на него так, будто пытаешься решить, чего от него ждать.

— А чего от него ждать?

Елена вздохнула.

— Тимур непростой. Он пережил много сложного.

— Что именно?

Мать отвела взгляд.

— Не всё человек обязан рассказывать сразу.

— Я не прошу его рассказывать. Я спрашиваю тебя.

Елена долго молчала.

— Иногда прошлое не объясняют, потому что оно не делает человека понятнее. Оно просто добавляет деталей, которые ты ещё не готова принять.

— Но как тогда понять, почему он ведёт себя так?

— Не обязательно понимать всё сразу.

— В этом доме вообще кто-нибудь говорит прямо?

Елена посмотрела на неё с грустной улыбкой.

— Со временем ты привыкнешь.

Агата покачала головой.

— Вот это меня и пугает.

— Что именно?

— Что я могу привыкнуть к тому, что здесь никто ничего не объясняет.

Елена не ответила. Она только убрала чашку со стола и выключила свет.

Агата осталась стоять в полутёмной комнате, слушая, как наверху снова прошли шаги. В этом доме люди жили рядом, ели за одним столом, обменивались обычными словами и делали вид, что постепенно становятся семьёй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.